

КЛИНСКАЯ ИЗОСИМИНА ПУСТЫНЬ В XV–XVII в.

Прошлое многих малых монастырей Древней Руси по сей день остается недостаточно изученным. Отчасти это объективно объясняется скудостью источниковой базы: архивы многих средних и малых монастырей не сохранились, тогда как фонды Троице-Сергиева, Иосифо-Волоцкого, Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастырей дошли в значительной степени сохранности. Но ведь именно малые монастыри численно преобладали на Руси и заслуживают внимания как определявшие своеобразие духовного и хозяйственного уклада средневековой уездной провинции. Расцвет численности малых обителей приходится на XVII в., когда по росписи 1661 г. в Московском государстве существовало 476 монастырей¹ [Кольчева, с. 78–79].

Одним из таких малых монастырей, просуществовавшим около трех столетий и завершившим свою историю в статусе приходского погоста, была Клинская Изосиминая Успенская пустынь на реке Сестре. Обитель была основана в Клинском уезде всего в 10 верстах от Иосифо-Волоцкого монастыря и в 44 верстах к западу от Клина в конце XV в. преподобными Зосимой и Андрианом. Относительно несохранившейся точной даты ее возникновения существуют разногласия: Х. А. Чеботарев считал, что время ее основания и имена основателей неизвестны [Чеботарев, с. 234]; временем «около 1479 г.» монастырь датируют архим. Леонид (Кавелин) [Леонид (Кавелин), с. 68], В. В. Зверинский [Зверинский, т. 2, № 820] и вслед за ними А. А. Зимин. В зависимости от датировки и места основания пустыни одни исследователи связывали появление монастыря с деятельностью Ивана III и объясняли попыткой создания «противовеса» монастырю, поставленному преп. Иосифом на удельных землях князя Бориса Васильевича Волоцкого, а также стремлением Москвы укрепить позиции и создать «форпост» в пограничных с Тверью районах [Зимин, с. 52]. Также высказывались возражения относительно связи основания новой пустыни с предстоящим московско-тверским столкновением [Клюг, с. 361].

В ряде гипотез особняком стоит и вызывает недоумение суждение Д. А. Рубцова, высказанное в исследовании «Клинский уезд по документам XV–XVIII веков». По его мнению, Изосиминая пустынь известна с середины XVI в.: «1541 г., Первое упоминание Изосимины монастыря найдено в Разъезжей грамоте тверских писцов земель Тимофея Константиновича Хлуднева» [Рубцов, с. 65]. Однако наиболее ранний документ пустыни — жалованная грамота Ивана Ивановича Молодого — датирован 1488 г., и кроме нее автор оставил без внимания еще целый корпус грамот ранее 1541 г. Странно, что они остались неизвестны Д. А. Рубцову, поставившему своей целью дополнить и обнаружить ошибки в фундаментальной работе В. и Г. Холмогоровых «Исторические материалы для составления церковных летописей Московской епархии» (М., 1881) и желающему «формировать свои представления о том или ином предмете на основе сведений высокого уровня достоверности» [Рубцов, с. 5]².

Наиболее аргументирована датировка А. В. Антонова [Антонов, с. 53]. Он обратил внимание, что дата 1479 г. была получена архим. Леонидом (Кавелиным) чисто арифметическим путем. В правой грамоте 1539 г. упомянут старожил Власко Пятой, помнивший «за шестьдесят лет, когда вся эта земля была еще за князем Тверским». При вычитании получилась датировка, на самом деле не указывающая на точный год основания монастыря и скорее говорящая о том, что никаких землевладений Изосиминой пустыни тогда в окрестностях еще не было, а земля принадлежала тверскому князю. Это позволило А. В. Антонову определить, что обитель возникла в период между 1485 г. (присоединение Твери к Московскому государству) и 1488 г.³ Данная гипотеза позволяет снять имеющееся у архим. Леонида (Кавелина) и А. А. Зимина противоречие, когда московский великий князь основывает монастырь в пределах еще не утратившего независимости Тверского княжества⁴.

Тот же А. В. Антонов показал, что, несмотря на определенную запутанность, в целом поддается реконструкции генеалогия Еропкиных, выведивших себя из смоленских князей Ростиславичей (ветвь Рюриковичей). Преподобные основатели Изосиминой пустыни — Зосима (в миру — Игнатий) и Андриан (в миру — Андрей) — были родными братьями, семейство владело землями в окрестностях будущего монастыря. В духовной грамоте 1477 г. волоцкий князь Борис расканивается, что «поотоимал в

¹ «Роспись 170 году, какова взята из монастырского приказы за дьячьей приписью, сколько за всеми монастырями крестьянских дворов» // Записки Отделения русской и славянской археологии Императорского археологического общества. 1861. Т. II. С. 402 — 422.

² Недостоверное суждение об Изосиминой пустыни также содержится в материалах Волоколамского музейно-выставочного комплекса «Волоколамский Кремль»: «На Изосимин — не известно ни одного данного акта или пожалованной грамоты» [Иосифо-Волоколамский монастырь].

³ Заметим, что Власко Пятой прямо говорит, что пожалование игумену Зосиме земли состоялось уже «после того», как земля была за тверским князем (РГАДА. Ф. 281. Клин. № 4/5635. Л. 3–4).

⁴ Архим. Леонид (Кавелин) не проясняет, каким образом земельный надел «был отведен первому игумену Зосиме, еще около 1479 года, великим князем Иваном III, из земель великого князя Тверского» [Леонид (Кавелин), с. 68], до утраты самостоятельности Тверского княжества в 1485 г.

своей вине села... у Андрея у Яропкина... их отчины, и те села им и есть, а мой сын и моя княгиня в те их села не вступаются, а они ведают свои отчины по старине»⁵. Дворянский род Еропкиных также был близок ко двору Ивана III, но высоких должностей его представители не занимали.

Мнение о тяготении пустыни к московскому дому также подкрепляется ранним участием московских князей во владельческих делах монастыря — ктитором пустыни стал Иван Молодой, князь Тверской после присоединения Твери к Москве в 1485 г. Однако вряд ли стоит переоценивать совокупность этих фактов как исключительную заинтересованность Москвы в возвышении не приметной обители, скорее это иллюстрирует общий процесс вхождения тверских земель в состав единого Русского государства [Кучкин, с. 216–226].

История пустыни сохранилась в основном с хозяйственно-административной стороны, поскольку отражена в актах, главным образом связанных с землевладением. По поводу письменного наследия М. Мониин пишет: «Имела ли Изосимины пустынь библиотеку, хотя бы отчасти похожую на богатое собрание книг, которым располагал соседний Иосифо-Волоколамский монастырь? Библиотеки Изосиминой пустыни не сохранилось, но по косвенным данным можно утверждать, что какое-то собрание книг монастырь имел» [Мониин]. В доказательство он приводит упомянутые архим. Леонидом [Леонид (Кавелин), с. 73] владельческие записи на двух книгах, одна из которых попала в Иосифо-Волоцкий монастырь («Псалтирь следованная» с записью: «Сию Псалтирю дал Иона Смоленский из Зосимова монастыря»), а другая находилась в Ново-Иерусалимском монастыре (сборник житий и поучений с апреля по сентябрь, написанный на бумаге XVI в., с владельческой метой: «Книга четьи и сборник чистен. Пречистой Богородица Зосимины пустыни а купил сия две книги сборники четьи годовые в дом Пречистой игумен Иев Рукин у Москвитинина у Порфирия у Чюпронника. А вы, отцы почитайте и пользуйте Божественным писанием а меня грешного поминайте в святых молитвах ваших»).

Заметим, что можно с основанием говорить о наличии вотчинного архива в Изосиминском монастыре. Документам, связанным с земельными делами, монастырские старцы придавали особое значение и ссылались на жалованные и разъезжие грамоты в судебных делах. В переписной книге Воскресенского Истринского монастыря 1685 г. сохранился «Список с описных книг Клинского уезду Изосимины пустыни описи приказу Болшого дворца подьячего Ивана Бахтеярова; на четырех тетратех за ево, Ивановою, рукою»⁶, содержащий описание 34 «тое пустыни крепостей».

Архим. Леонид (Кавелин) в своей работе «Клинская Изосименская пустынь и ее акты» опубликовал списки, сохранившиеся в Воскресенском Ново-Иерусалимском монастыре, и при этом считал, что «самих актов уже не существует; надобно полагать, что они в 1764 году отобраны в Коллегию Экономии, или погибли в одном из бывших в сей обители пожаров» [Леонид (Кавелин), с. 72–73].

Странно, что при описании судьбы монастырского архива археограф прошел мимо еще одной причины его плохой сохранности, а между тем указание на нее присутствует в выявленных им материалах. Как сообщается в челобитной архимандрита Воскресенского монастыря Никанора с братией, 4 августа 1687 г. сын стольника из Клинского уезда, Родион Иванов сын Квашнин, привлеченный в поделники ключника Федора Боркова и крестьян Ивашку Михайлова и Ваську Толухманова «с товарищи», в деревне Хотенове перегородил дорогу изосименскому строителю старцу Моисею, ехавшему со служками и крестьянами с полевых работ. Квашнин при этом святую обитель «засорил всячески», старца драл за бороду и волосы и бил по лицу и «в топоры и обушки», а поделники били ехавших с Моисеем «и в бердыши и в дубье». Затем Родион повелел грабить с путников зипуны и кафтаны, отнять с десяти лошадей седла и потники. Вероятно, конфликт имел земельные истоки, поскольку мародер еще пригрозил сжечь монастырскую деревню Парфеново, разогнать и перебить ее крестьян и впредь не давать в нее дороги из монастыря никому. Но, самое главное, Родион Квашнин «отнял и пограбил списки с крепостей... и всякие монастырские грамоты и писма», в том числе и полуторавековые грамоты об известной тяжбе обители с вдовой Ариной Курбатовой и ее сыном Постником⁷. Таким образом, среди причин плохой сохранности монастырского архива угадываются не только пожары, но и подчас прямая заинтересованность отдельных лиц в исчезновении документов.

Как отмечает А. В. Антонов, на настоящий момент потеряны списки, легшие в основу публикаций архим. Леонида (Кавелина). Однако А. В. Антонову удалось обнаружить сохранившиеся подлинники двух из опубликованных архим. Леонидом (Кавелиным) актов и список еще одного в фондах Поместного приказа. Это позволило осуществить в 1998 г. новейшее издание грамот [Антонов, с. 53–110]⁸.

Как уже было упомянуто, наиболее ранний документ пустыни датирован 30 января 1488 г. В жалованной грамоте, выданной в тот день в Твери, Иван Иванович Молодой дал «в свой монастырь

⁵ Духовная грамота князя Бориса Васильевича волоцкого. 1477 г. октября 14 // ДДГ. № 71. С. 251.

⁶ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Кн. 5092. Л. 262 об. — 269 об.

⁷ Явочная челобитная на Радивона Квашнина (7)195 году [Леонид (Кавелин), с. 100–101].

⁸ Добавим также, что архим. Леонид (Кавелин) в 1876 г. сделал еще и небольшое историко-топографическое обследование приходского погоста — преемника упраздненной пустыни [Леонид (Кавелин), с. 70–71], а историко-культурологическое интернет-описание пустыни с характеристикой нынешнего состояния ее местоположения принадлежит М. Мониину [Мониин].

на пустынку на реке на Сестрице и на Сосновце игумену Зосиму з братьею» деревню Стервище с наказом молить Бога за его родителей и весь род⁹. Несмотря на оказанные милости великокняжеского дома, землевладение пустыни в этот период формировалось в основном из вотчинных земель. В 1495 г. монастырь обменял свои вотчины деревню Дягилево, селища Чешково и Резанцово Захарию Юрьевичу Еропкину (Яропкину) на деревню Кушалово и починок Кушаловской. В меновой грамоте Еропкин прямо называет «своей братьей» игумена Изосиму и Андриана, а «послухом» участвовал еще один брат — Семен Юрьевич Еропкин¹⁰, то есть размен происходил в пределах семейных владений Еропкиных.

Первый игумен пустыни Зосима скончался предположительно до 1506 г., поскольку тогда упоминается уже игумен Касьян. О духовном облике Зосимы сведений не сохранилось, единственное, что может охарактеризовать подвижника, — приводимые архим. Леонидом (Кавелиным) слова на пелене, полагавшейся над гробницей Зосимы и Андриана и приписываемые самому игумену: «Братие мои и спостницы, не забудьте мою любовь, молитесь Христу Богу, да учинит дух мой с праведными» [Леонид (Кавелин), с. 71].

Последующие изосименские игумены запечатлелись в источниках тем, что неоднократно жаловались великому князю на окрестных крестьян и помещиков, которые «перелезжи к ним силно монастырскую землю пашют и лес секут и сено косят», что служило поводом для направления указных грамот о расследовании тяжб в 1531, 1535, 1539, 1557 г. Итогом разбирательств стали правая грамота 1539 г., жалованные несудимые и заповедные грамоты 1540, 1555 г., две разъезжие грамоты 1541 г., мировые и полюбовные грамоты 1554, 1558, 1559 г.

Примечательно, что в грамоте 1535 г. в числе обидчиков монастыря выступает даже егорьевский поп Михайло, который «перелезши к ним за реку за Ламу, землю монастырскую пашет и лес сечет и сено косит силно»¹¹. Тогда же изосименские монахи били челом «на Кочура на Тупицына на конюха», что «Кучюр деи вступаета у них в монастырскую землю, перелезши к ним за реку за Городенку, починок ставит и лес сечет и сено косит силно, а называет деи ту монастырскую землю к своему поместью к селу к Молахову». По мнению И. Б. Михайловой, конюху тогда удалось урегулировать конфликт, так как впоследствии внимание судебных исполнителей переключилось на других соседей, также нарушавших монастырские угодья [Михайлова, с. 141–152].

Наиболее затяжное разбирательство велось с сытником Курбатом Третьяковым и впоследствии с его вдовой Ариной Михайловной и сыном Постником. Эта помещичья семья на фоне прочих обидчиков заметно выделялась нахальством, нарушая монастырские угодья в течение нескольких десятилетий. Как видно из правой грамоты 1539 г., предыстория конфликта относится к 1519 г., когда великий князь Василий Иванович пожаловал «игумена Кирила з братьею, или по нем кто в том монастыре иный игумен будет, дал еси им к монастырю реку Сестрицу и с лесом по обе стороны тое реки, вверх по Городенку, а вниз по Ламу по реку»¹². В 1524 г. названные помещики «перелезли» через старую межу — реку Сестрицу — и выгнали монастырского крестьянина Ивашку Понурина из его починка Понурина, поставили в монастырском лесу еще два починка Илейкин и Митькин, освоили пашню, луга и стали сечь лес.

Изосименский игумен Кирилл бил челом на Курбата в 1529 г., дело на месте разбирал подьячий Леонтий Глебов, однако суд, доложенный тверскому дворецкому Ивану Васильевичу Оболенскому, не был управлен по причине назначения игумена Кирилла на архимандритство в монастырь в Лужки в Можайск. В 1532 г. игумен Иона возобновил иск, и на место был прислан судья Яков Федорович Ушаков, суд состоялся, но из-за назначения Ушакова на годовую службу в Смоленск доклада перед дворецким не было, тогда же умер ответчик сытник Курбат. В 1535 г. новый игумен Иов Рукин снова бил челом, и для разбора был назначен Филипп Леонтьевич Брюхатый-Левшин, однако на этот раз умер сам судья. Наконец, в 1539 г. казначей старец Феогност (управлявший в междуигуменство) снова поднял дело, причем теперь для верности были присланы сразу двое судей — Гаврила Федорович Заболоцкий и Ртищ Васильевич Унковский.

Во время суда, состоявшегося 15 мая 1539 г., вместо Арины и Постника отвечал их приказчик Сидорик Останин со своими послухами. Изобретательные ответчики подготовились путать судей при помощи ономастической подмены, сказывая монастырский починок Понуриным своим почином Крутым, а что монастырские послухи называют настоящим Крутым почином — то деревней Чернецово за Черной грязью, реку Городенку — не существующей здесь Роговенкой у ручья Волчьего. Кроме того, Останин с послухами утаили, что прежде суд их господам был, но потом сознались, что суд им был «насилно» и «что по ним в правде поруки нет, не ручает их никто, и добыти им по себе поруки немочно, и на судные мужи не шлютыца»¹³. На стороне монастыря в этом случае выступали послухи, среди которых был уже упомянутый старожилец Власко Пятой, помнивший «за шестьдесят лет, коли та земля еще вся была за великим князем за тферским».

⁹ РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Клину. № 188/39630. Л. 1006.

¹⁰ Там же. Л. 1007.

¹¹ РГАДА. Ф. 281. Клин. № 2/5633. Л. 64.

¹² РГАДА. Ф. 281. Клин. № 4/5635. Л. 1–2.

¹³ РГАДА. Ф. 281. Клин. № 4/5635. Л. 1–7.

Во всех спорных случаях пустынь была «оправлена», но порядок на местах восстанавливался не быстро. В 1540 г. игумен Иов с братией «били челом о том, был у них пристав даной Тихон Кулибаев, и тот деи пристав им не люб, дел монастырских не бережет и старцов и слуг и крестьян монастырских продает». Вместо него был дан пристав, «который им люб» Михалко Васильев, но и на него через два года старцы били челом, просив «любого» им на этот раз Васюка Григорьева сына Иверенева¹⁴ [Каштанов, с. 355, № 411]. Великий князь достаточно благосклонно удовлетворял эти просьбы братии.

В 1551 г. Степан Захарьевич Еропкин «продал пустыни благословение вотчины отца своего и матери деревню Починок», обещавшись «обелять ту деревеньку, если кто из их рода будет в нее вступаться»¹⁵, чем, по-видимому, завершается поступление семейных еропкинских вотчин во владение монастыря, оставшееся весьма скромным и компактно располагавшимся в междуречье Малой Сестры, Городенки и Сосновицы. Однако какая-то память потомства Еропкиных и связи рода с обителью прослеживаются еще более столетия. Так, в монастырских актах 1686 г. упоминается, что старец Тихон дал царскому окольничему Василию Михайловичу Еропкину списать старый Синодик Зосимовой пустыни [Леонид (Кавелин), с. 83].

Внимание великих князей к обители также получило дальнейшее развитие, пиком которого можно считать упомянутое в указной грамоте 1539 г. «ищениными монастырскими обыскными людьми старостой Софоном с товарищы» взятие изосименского игумена Кирилла «в Можаяск в монастырь в Лужки на архимандритство» по воле Василия III. Но по мере роста соседнего Иосифо-Волоцкого монастыря Изосимины пустынь все больше оставалась в тени могущественного соседа, в ней даже не возникло каменного строения.

После Смутного времени в 1624–1625 г. о вотчинах пустыни было записано: «село да деревня живущих, да девятнадцать пустошей... а людей в них пятнадцать человек»¹⁶. 80-е годы XVII в. в истории обители отмечены всплеском разбойных нападений. Помимо уже упоминавшегося мародерства Родиона Квашина (1687 г.), известно, что 4 июля 1683 г. клинские посадские люди Алексей Федотов и Дорофей Борисов с товарищи «разбили» три монастырские деревни: Макариху, Парфеново и Курбатово, мужиков перевязали и все у них пограбили. Строитель старец Феофан гнался за разбойниками 20 верст от монастыря. 20 марта 1687 г. приказчик Изосиминой пустыни Тимофей Павлов, ехавший в Воскресенский монастырь с деньгами, подвергся нападению крестьян деревни Харланихи, при этом лишился денег и дара речи от множества тяжких побоев, так как голова была в двух местах проломлена «до мозга» [Леонид (Кавелин), с. 77, 101–102].

С середины XVII в. Изосимины пустынь утрачивает свою самостоятельность. Обычно указывают, что это произошло в 1680 г., хотя по факту это случилось еще раньше, в патриаршество Никона [Тихон (Полянский), с. 179]. «Роспись в обиды святейшего Никона патриарха на трех столбцах»¹⁷ [Макарий (Булгаков), с. 411], составленная в преддверии суда над Никоном в 1666 г., перечисляет приписные монастыри и приходские церкви, числившиеся за тремя крупнейшими монастырями Никона и взятые им под свою власть из чужих епархий. В Тверской епархии таких церквей было три и пять монастырей: в самой Твери — Федоровский монастырь на Посаде, в Клину — Успенский, Николы Чудотворца, Остраганский Дудин и Изосимин¹⁸. Об управлении этими монастырями в «Росписи» сказано: «И тех монастырей архимандритов, и игуменов, и строителей с братиею, и приходских церквей попов, и дьяконов, и церковных причетников, и мирских людей духовностию ведает он, бывший Никон патриарх. Да с тех же монастырей, с игуменов и строителей, и с приходских церквей, с попов, и с дьяконов, и причетников, по вся годы емлет церковную дань, и вечную пошлину, и с новичных, и с переходных, и с похоронных пошлинные деньги берет». На суде Никон просил, чтобы за ним были оставлены созданные им три монастыря — Новый Иерусалим, Иверский и Крестный, а также чтобы царь подтвердил все приписные к ним монастыри с вотчинами. Собор же постановил приписными монастырями и их вотчинами впредь Никону «не владеть ни в чем — довольно с него на пропитание и на все его нужды трех монастырей его строения с множеством крестьянских дворов, принадлежащих каждому из них, соляных варниц и рыбных ловлей» [Макарий (Булгаков), с. 131].

Судьба Изосиминой пустыни могла измениться в 1681 г., когда царем и патриархом была задумана масштабная епархиальная реформа [Богданов, с. 279–303]. Согласно так и не принятому именному «Указу царя Федора Алексеевича о именовании архиереев по степеням и о придаче патриарху и в каждую епархию подвластных епископов; 1681 ноября 27», «Великий Государь, советовав о Святем Дусе со отцем Своим и богомольцем, с Великим Господином, святейшим Иоакимом, Патриархом Московским и всея Руси, изволил, для украшения святых Церквей и для спасения и просвещения Христианом, быти и

¹⁴ ААЭ. СПб., 1836. Т. 1. № 189. С. 166, 167.

¹⁵ РГАДА. Ф. 1209. Столбцы по Клину. № 188/39630. Л. 1013.

¹⁶ Выпись с писцовых и переписных книг Зосиминой пустыни 1686 года [Леонид (Кавелин), с. 94–95].

¹⁷ РГАДА. Ф. 27. Д. 140.

¹⁸ Тверская епархия, долго сохранявшая границы в пределах Тверского княжества, была приведена к границам Тверской губернии в 1799 г.

именоваться Архиепископом по степени, коемуждо Архиепископу имети во своей епархии епископов, подвластных им... у Тверского в Кашине или Ржеве Володимирове, а во удовольствие ему дати Дмитровский м., а за ним 61 двор; Клобуков м., а за ним 53 двора; да из Клину Изосимин м., а за ним 50 дворов; Успенской, а за ним 19 дворов; всего 183 двора»¹⁹. По версии Д. А. Рубцова, это изменение планировал Архиерейский собор в 1678 г. [Рубцов, с. 66].

Изосими́на пустынь с землями после 1680 г. оставалась окончательно приписанной к Воскресенскому Ново-Иерусалимскому монастырю, а в 1764 г. обращена в приход, ныне исчезнувший, как и село Изосименье.

Литература

- Антонов А. В. Клинские акты XV–XVI века // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 4. С. 53–110.
- Богданов А. П. Русские патриархи (1589–1700): В 2 т. М., 1999. Т. II.
- Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях Российской империи. СПб., 1890–1897. Т. I, II, III.
- Зимин А. А. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977.
- Иосифо-Волоколамский монастырь [Электронный ресурс]. URL: <http://www.volok-kremlin.ru/author-login/item/7/> (дата обращения: 03.09.2015).
- Каши́танов С. М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. Часть I // АЕ за 1957 год. М., 1958. С. 302–376.
- Клюг Э. Княжество тверское (1247–1485 гг.) / Пер. с немецкого А. В. Чернышова. Тверь, 1994.
- Кольчева Е. И. К вопросу о малых монастырях в России XVI в. // Церковь в истории России. М., 1997. С. 78–79.
- Кучкин В. А. Права и власть великих и удельных князей в Тверском княжестве второй половины XIII–XV века // Славянский мир: общность и многообразие. Материалы Международной научно-практической конференции 22–23 мая 2008 г. Тверь, 2009. С. 215–226.
- Леонид (Кавелин), архим. Клинская Изосименская пустынь и ее акты // ЧОИДР. 1876. Кн. 2. Смес. С. 68–116.
- Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. М., 1996. Кн. VII.
- Михайлова И. Б. Ловчие на княжеской службе (XIV – первая половина XVI вв.) // Исследования по русской истории. Сб. статей к 65-летию профессора И. Я. Фроянова. СПб.; Ижевск, 2001. С. 141–151.
- Монин М. Когда-то здесь был монастырь [Электронный ресурс]. URL: <https://sites.google.com/site/lubitelkultury/Номе-2-3> (дата обращения: 31.08.2015).
- Рубцов Д. А. Клинский уезд по документам XV–XVIII веков. Исторические материалы для составления приходских летописей. Клин, 2009.
- Тихон (Полянский), игум. Из истории малых монастырей Тверской епархии: Клинский Успенский монастырь // Славянский мир: общность и многообразие. Материалы Международной научно-практической конференции 22–23 мая 2008 г. Тверь, 2009. С. 173–184.
- Чеботарев Х. А. Историческое и топографическое описание городов Московской губернии. М., 1787.

¹⁹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое с 1649 по 12 декабря 1825 г. СПб., 1830. Т. II. № 898. С. 364. Стб. 1.